7.13
37

Изъ чтеній на педагогическихъ курсахъ въ Кіевѣ.

1. О значеніи Кіева, какъ религіознаго центра православной Россіи *).

„Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель" **).

Кіевъ давно уже пользуется извѣстностію не только во всей Русской землѣ, но и въ чужихъ краяхъ: далеко онъ славенъ своею святынею, своими природными красотами, своими драгоцѣнными остатками старины и связанными съ ними историческими воспоминаніями. Еще тысячу лѣтъ тому назадъ, нашъ могучій князь Олегъ, увидѣвъ Кіевъ, такъ имъ плѣнился, что, покоривъ его, возвѣстилъ: „се буди мати градомъ русскимъ," и навсегда поселился въ немъ ***). И стало расти съ тѣхъ поръ могущество князей кіевскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала расти и слава самого Кіева. Такимъ образомъ, Кіевъ, по выраженію императора Николая Павловича, былъ „первымъ свидѣтелемъ гражданской самобытности нашихъ предковъ" ****). Кромѣ того, на долю Кіева выпалъ еще и другой чудный жребій: въ Кіевѣ же, девятьсотъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, русскій народъ торжественно принялъ св. крещеніе и сталъ исповѣдывать св. православную вѣру Христову, послѣдовавъ примѣру и волѣ своего славнаго и равноапостольнаго князя Владиміра. И стали у насъ съ этого времени созидаться храмы Божіи; въ храмахъ послышалось Слово Божіе, и стали раздаваться пѣснопѣнія

*) Произнесено въ актовомъ залѣ 2-го Кіевскаго женскаго духовнаго училища въ присутствіи учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ, явившихся для слушанія педагогическихъ курсовъ.

**) Хомяковъ. Стихотворенія, стр. 68, Москва, 1861 г.

***) Полное собраніе русск. лѣтописей, т. I, стр. 10, Спб., 1846 г.

****) Указъ Правительств. Сенату, отъ 1 ноября 1833 г.

церковныя,—и возсіяла на горахъ Кіевскихъ благодать Божія. Такъ, Кіевъ, послужившій колыбелью для нашей государственной жизни, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбелью православной вѣры Христовой, сталъ, по словамъ митрополита Сильвестра Коссова, какъ бы „нашимъ русскимъ небомъ," или, по словамъ императора Александра Николаевича, „Іерусалимомъ земли Русской" *). Вотъ отчего Кіевъ такъ дорогъ для каждаго истинно-русскаго человѣка. „Что солнце между планетами, что царь между народомъ, то Кіевъ между русскими градами," говоритъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ: „на высокой горѣ стоитъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною; подъ горою разбѣжались живыя волны Днѣпра-кормильца. И Кіевъ, и Днѣпръ вмѣстѣ... Боже мой, что-за роскошь! Слышите ли, добрые люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно, вы не русскіе" **)...

Время наибольшей славы настало для Кіева, когда на великокняжескомъ Кіевскомъ столѣ единовластно возсѣлъ Ярославъ Мудрый, сынъ св. Владиміра. Ярославу оставалось только утвердить и докончить то, что начато было отцемъ его. Ярославъ такъ дѣйствительно и поступилъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и всѣ его современники: „Весьма добрымъ и вѣрнымъ свидѣтелемъ твоего благонравія,—говоритъ пресвитеръ Иларіонъ, обращаясь къ равноапостольному князю,—служитъ сынъ твой Георгій—Ярославъ, котораго сотворилъ Господь преемникомъ по тебѣ на престолѣ. Онъ не нарушаетъ твоихъ уставовъ, но утверждаетъ; не уменьшаетъ учрежденій твоего благовѣрія, но еще распространяетъ; не искажаетъ, но приводитъ въ порядокъ; онъ недоконченное тобою окончилъ, какъ Соломонъ предпріятія Давида" ***).

Но слава Кіева была тѣсно связана съ жизнію Ярослава. Со смертію своею онъ унесъ во гробъ не только счастье Кіева, но и могущество Руси. Нѣкоторые изъ пре-

*) Рескриптъ Кіевскому митрополиту отъ 16 августа 1856 г.

**) Гребенка. Сочиненія, т. I, стр. 136, Спб. 1862 г.

***) Макарій. „Исторія Русск. Церкви," т. I, стр. 151, Спб., 1857 г.

емниковъ Ярослава дотого увлекались родовыми счетами и дотого преслѣдовали свои личныя выгоды, что не только не щадили „матери городовъ русскихъ,“ но даже часто пренебрегали интересами всей Руси, и сами водили въ нее враговъ ея и вмѣстѣ съ ними разоряли какъ ее, такъ и первопрестольный городъ Кіевъ. Въ 1169 году Суздальскій князь Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ приступомъ; грабилъ его самъ и потомъ отдалъ на расхищеніе своимъ союзникамъ: „побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они россіяне, въ теченіе трехъ дней грабили не только жителей и домы, но и монастыри и церкви; похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, книги и колокола *). Такъ Кіевъ навсегда потерялъ свои права первопрестольнаго города въ Русской землѣ. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого Кіевъ по временамъ все-таки еще продолжалъ быть яблокомъ раздора между южно-русскими князьями и сосѣдними кочевниками, которые одинъ за другимъ въ конецъ разоряли его. Въ 1240 году настала для Кіева самая тяжелая пора за все время его существованія: разомъ прекратилось на многіе годы все древнее бытіе приднѣпровской столицы, все ея величіе и вся красота. Въ декабрѣ этого злосчастнаго года подступилъ къ Кіеву съ несмѣтными своими полчищами Батый и превратилъ первопрестольный градъ всея Руси въ груды развалинъ. Въ первое десятилѣтіе послѣ нашествія Батыя, по свидѣтельству одного путешественника, въ Кіевѣ почти совершенно никто не жилъ. Только потомъ уже нѣсколько иноковъ Печерской обители, изъ привязанности къ святому мѣсту, стали по временамъ собираться изъ сосѣднихъ лѣсовъ по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся по ночамъ, въ уцѣлѣвшій среди развалинъ придѣлъ церкви. И долго еще Кіевъ представлялъ собою видъ бѣдной деревни. Въ концѣ первой четверти XIV столѣтія смѣняютъ татаръ въ Кіевѣ литовцы. Въ 1471 году Кіевское княжество, по повелѣнію великаго князя Литовскаго и короля Польскаго—Казимира, было переименовано въ воеводство Кіевское, а Кіевъ обра-

*) Карамзинъ. „Истор. Госуд. Росс.,“ кн. 1, т. II, стр. 190, Спб., 1842 г.

щенъ въ повѣтовый (уѣздный) городъ. Такъ былъ униженъ Кіевъ. Съ введеніемъ въ Кіевѣ такъ называемаго Магдебургскаго права здѣсь завелись новые порядки, совершенно чуждые русскому народу и устранявшіе изъ его жизни многіе обычаи и узаконенія, которые не сходились съ нѣмецкимъ правомъ. Особенно замѣтно стало такое ослабленіе старобытной русской жизни въ Кіевѣ и усиленіе иноземнаго вліянія съ того времени, какъ въ 1569 году на люблинскомъ сеймѣ произошло соединеніе Литвы съ Польшею, и Кіевъ былъ объявленъ польскимъ городомъ. Съ этого же времени въ Кіевѣ начинаетъ дѣлать громадные успѣхи и католическая церковь—въ особенности, когда она почувствовала за собою силу, послѣ того какъ въ 1596 году была объявлена церковная унія.

Понятно, конечно, что не могло оставаться совершенно спокойнымъ зрителемъ всего происходившаго и коренное православное населеніе Кіева: оно должно было искать средствъ къ защитѣ своей вѣры и національности. Болѣе всѣхъ за свою дѣятельность въ этомъ направленіи должны быть памятны не только для кіевлянъ, но и вообще для русскихъ—князь Острожскій, гетманъ Сагайдачный и митрополитъ Кіевскій Петръ Могила. Сіи мужи ревностно боролись и неусыпно стояли на стражѣ интересовъ своей родины и ея преданій. По договору Московскихъ царей Іоанна V и Петра Алексѣевича съ Польшею, состоявшемуся 14 апрѣля 1686 года, Кіевъ навсегда возвращенъ былъ Россіи. Въ томъ же 1686 году, по ходатайству гетмана Самойловича, Константинопольскій патріархъ согласился на присоединеніе Кіевской митрополіи къ Московскому патріаршеству, и такимъ образомъ одновременно съ политическимъ произошло и церковное объединеніе Кіевской Руси съ Московскимъ государствомъ.

Но не смотря на все это, Кіевъ все-таки представлялъ собою грустную картину: вездѣ были видны только слѣды бывшаго величія. Только со вступленіемъ на Русскій престолъ Петра Великаго началось замѣтное улучшеніе въ состояніи Кіева. Великодушная дщерь Петрова—императрица

Елисавета Петровна оказала цѣлый рядъ милостей какъ для Малороссіи вообще, такъ и въ частности для Кіева: она подтвердила всѣ прежнія привиллегіи, которыми пользовался этотъ городъ, и даровала еще новыя. Въ царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны началось возстановленіе нѣкогда славнаго Кіева. Населеніе города стало быстро возрастать, и онъ сталъ застраиваться. Еще больше оживился Кіевъ, когда въ 1797 году Кіевское воеводство было переименовано въ губернію, и Кіевъ опять сталъ губернскимъ городомъ. Длинный путь испытаній пришлось пройти Кіеву: едва только онъ, призванный къ жизни Русскими вѣнценосцами, сталъ оправляться, какъ его постигло новое несчастіе. Въ 1811 году опустошительный пожаръ истребилъ всю наиболѣе заселенную и наилучше отстроенную часть города: отъ Кіево-Подола остались только груды развалинъ. Правительство приняло самое дѣятельное участіе въ судьбѣ города. Но вскорѣ бѣдствія отечества отвлекли вниманіе правительства, и обновленіе Кіева пріостановилось на нѣкоторое время. Затѣмъ, лишь только грозныя тучи пронеслись надъ Россіей, и нашъ государь, благословляемый всѣми народами Европы, сталъ мирно царствовать, для Кіева снова настали лучшія времена. Въ 1816 году императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ мать городовъ русскихъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней. При этомъ государь нѣсколько разъ поклонился всѣмъ святынямъ Кіева и очень щедро наградилъ все высшее духовенство города. Съ этихъ поръ наши благочестивѣйшіе Государи и весь Домъ ихъ непрестанно навѣщаютъ Кіевъ для поклоненія его святынѣ. Такъ, въ 1829 году, въ іюнѣ, древняя наша столица увидѣла въ стѣнахъ своихъ императора Николая Павловича. По обыкновенію предковъ, государь прежде всего посѣтилъ Кіево-Печерскую Лавру. Здѣсь, у святыхъ вратъ, Его Величество встрѣтилъ славный нашъ архипастырь митрополитъ Евгеній, со всѣмъ духовенствомъ, воинскими и гражданскими чинами, при громадномъ стеченіи народа. Съ этимъ посѣщеніемъ Кіева государемъ совпало, между прочимъ, славное взятіе нашими войсками крѣпости Силистріи и пораженіе непрія-

теля, подъ предводительствомъ Дибича, донесеніе котораго о семъ событіи и застало Николая Павловича въ Кіевѣ. Императоръ, радуясь за успѣхъ своего народа, по этому случаю оставилъ рескриптъ: „Сего мѣсяца, 25 числа, получено мною въ Кіевѣ извѣстіе о покореніи крѣпости Силистріи. Желая сохранить городу Кіеву памятникъ сего важнаго событія, назначаю оному одинъ изъ ключей покоренной крѣпости и три знамя, изъ числа взятыхъ при семъ случаѣ храбрыми нашими войсками, повелѣвая хранить сіи трофеи побѣды въ соборномъ храмѣ св. Софіи, въ коемъ Мною принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе за сей новый и блистательный успѣхъ, оружію Россійскому дарованный“ *). Вслѣдъ за симъ настало для Кіева время его возрожденія и быстраго возрастанія. Начиная съ 1830 года, все дальнѣйшее царствованіе императора Николая Павловича было временемъ полнаго преобразованія „матери городовъ русскихъ.“ Не мало также своего царскаго попеченія оказалъ Кіеву и преемникъ Николая Павловича—Александръ Николаевичъ. Онъ не только окончилъ всѣ начинанія своего державнаго отца, но и самъ не мало даровалъ милостей богоспасаемому граду. Не менѣе благодѣтельное время настало для Кіева во дни въ Бозѣ почившаго императора Александра Александровича и со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.

Такъ волею Божіею и милостями славныхъ царей нашихъ снова призвана была къ полной жизни наша „мать городовъ русскихъ.“ „И хотя Кіевъ не можетъ состязаться въ древности съ Аѳинами, ни въ огромности съ Пекиномъ; въ немъ антикварій не найдетъ развалинъ Пальмиры, и путешественникъ не увидитъ пирамидъ Египта, изумляющихъ своею огромностію; онъ не былъ повелителемъ свѣта, какъ Римъ, не былъ законодателемъ вѣтренной моды, какъ Парижъ: но, не смотря на все это, Кіевъ есть священное достояніе русскихъ! Это есть мѣсто, откуда христіанская ре-

*) Закревскій. „Описаніе Кіева,“ т. I, стр. 122, Москва, 1868 г.

лигія распростерла благотворные лучи по всему небосклону русскому. Это есть колыбель просвѣщенія для потомковъ славянъ, служившая и вторыми Аѳинами для насъ. Кратко, Кіевъ, знаменитый величіемъ и несчастіями, есть краса въ исторіи нашего отечества, есть лучшій брилліантъ въ коронѣ нашихъ государей“ *).

Кіевъ, Кіевъ златоглавый,
Пращуръ русскихъ городовъ!
Озаренъ ты дивной славой,
Славой тысячи годовъ.
Въ вѣкъ, невѣрьемъ омраченный,
Патріархомъ ты возсталъ;
Голосъ свыше вдохновенный
Ты къ народамъ простиралъ.
И пришли, смиреньемъ полны,
Люди дальнихъ странъ къ тебѣ;
Погрузились тѣломъ въ волны,
Вознеслись душой горѣ.
Ты сіялъ въ величьи новомъ,
Какъ креститель Іоаннъ;
Ты гремѣлъ небеснымъ словомъ
Въ темныхъ дебряхъ дикихъ странъ.
Слава, слава, златоглавый
Пращуръ русскихъ городовъ!
О, красуйся-жъ величаво
Сотни, тысячи годовъ! **)

Много выпало на долю Кіева разнаго рода превратностей и испытаній въ истекшемъ тысячелѣтіи. Но при всѣхъ этихъ превратностяхъ Кіевъ имѣлъ несокрушимый залогъ своей вѣчности—это именно ту святыню, которою онъ такъ богатъ и славенъ. „Видите ли горы сія“?—пророчественно взывалъ св. ап. Андрей Первозванный.—„Яко на сихъ го-

*) Захревскій. „Описаніе Кіева,“ т. I. Предисловіе, стр. 1, Москва, 1868 г.
**) Холмовъ въ журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1844 г., ч. I, стр. 6 и 7. Спб., 1844 г.

рахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать“ *). Время показало, что дѣйствительно на горахъ Кіева почиваетъ благодать Божія: вотъ уже болѣе тысячи лѣтъ прошло, какъ на нихъ красуется „мать городовъ русскихъ,“ и сіяютъ храмы Божіи. Радостно бьется сердце каждаго русскаго человѣка, когда ему хоть разъ въ жизни удастся поклониться св. угодникамъ Кіевскимъ, этимъ великимъ борцамъ за истину Христову,— побывать тамъ, гдѣ уже цѣлыя столѣтія милліоны людей изливаютъ свою благодарность и ищутъ утѣшенія въ молитвѣ ко Господу. А въ Кіевѣ есть гдѣ помолиться: съ какой бы стороны путникъ ни приближался къ городу, его взорамъ прежде всего представляется цѣлый рядъ св. храмовъ Божіихъ, и онъ невольно чувствуетъ, что приближается къ святому мѣсту. Отъ Петербурга до Кіева 1114 верстъ, отъ Москвы безъ малаго 1000 верстъ. Но какъ ни далекъ Кіевъ отъ нашихъ столицъ, а путь къ нему—торный, дорога—извѣданная. Не даромъ говоритъ народная пословица: „языкъ до Кіева доведетъ.“ Идутъ туда православные не только изъ сосѣднихъ съ Кіевомъ мѣстностей, но и изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ земли Русской. Медленно, въ строгомъ молчаніи, подвигаются богомольцы одинъ за другимъ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами. Иные идутъ мѣсяцъ, другіе шесть недѣль, а которые съ дальняго сѣвера—изъ Архангельска, изъ-за Уральскихъ горъ, или изъ Сибири—тѣ полагаютъ на путь отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ. День за днемъ, недѣля за недѣлей, бредутъ богомольцы, не зная часто, гдѣ придется ночевать, и будетъ ли что ѣсть. Иной даетъ обѣщанія во время странствованія не принимать скоромной пищи, не пить ничего, кромѣ воды, пока не сподобится отговѣть въ „святомъ святыхъ“ града Кіева и всей Россіи—въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Еще не такъ давно, въ Кіевъ не было желѣзной дороги. Съ тѣхъ поръ, какъ она проведена, еще болѣе стало прибывать богомольцевъ. Всего болѣе ихъ стекается весною около Троицына

*) Полное собр. русск. лѣтописей, т. I, стр. 4, Спб., 1846 г.

дня. Ихъ бываетъ въ ту пору до 50 тысячъ человѣкъ. Но не смотря на то, что въ Кіевъ можно проѣхать по желѣзной дорогѣ, или пароходомъ по Днѣпру, большая часть богомольцевъ, по обѣту или по скудости средствъ, попрежнему идетъ туда пѣшкомъ, совершая цѣлыя сотни и тысячи верстъ:

„Звучно пѣсни раздалися...
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?

* *
*

—Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса полей!
—Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!

* *
*

—Край мой—теплый брегъ Эвксина!
—Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.

* *
*

—Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!
—Мнѣ отчизна—старый Псковъ!

* *
*

—Я отъ Ладоги холодной,
—Я отъ синихъ волнъ Невы,
—Я отъ Камы многоводной,
—Я отъ матушки-Москвы!

* *
*

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ“ *).

---

*) Хомяковъ. Стихотворенія, стр. 68, Москва, 1861 г.

Подъ Кіевомъ, верстъ за 30, большая черниговская дорога проходитъ посреди сосноваго лѣса. Въ жаркіе дни прохладно идти богомольцамъ въ тѣни деревъ, поодаль отъ пыльной дороги. Они располагаются въ лѣсу на ночлегъ и спятъ у дороги, подложивъ подъ голову свои котомки. Такъ проводятъ они послѣднюю ночь передъ Кіевомъ. Раннимъ утромъ, лишь только заря занимается на небѣ, встаютъ богомольцы, надѣваютъ на себя все чистое и, помолившись, трогаются въ путь. Вотъ вдали надъ лѣсомъ мелькнуло что-то въ высотѣ. Переглянулись богомольцы, перекрестились. Идутъ дальше,—и все яснѣе блеститъ глава Лаврской колокольни. Вотъ показалась и вся колокольня, а ниже ея, по горѣ, заблистали главы св. церквей. Радостно богомольцамъ; они крестятся, кладутъ земные поклоны. Передъ ними, на крутой горѣ, вся Печерская обитель въ своей бѣлокаменной оградѣ, устроенной Иваномъ Мазепою. По лѣвую сторону Лавры, среди густыхъ садовъ, виднѣются синіе купола съ золотыми звѣздами: то пещерныя церкви.

По выходѣ изъ лѣса богомольцы идутъ длинною слободою, миновавъ которую, они вступаютъ на Николаевскій Цѣпной мостъ. Мостъ этотъ сооруженъ по повелѣнію императора Николая Павловича, въ честь котораго и получилъ свое названіе. Мостъ перекинутъ черезъ всю ширь Днѣпра. За Цѣпнымъ мостомъ, на правомъ берегу Днѣпра, устроена небольшая каменная съ 5-ю куполами часовня во имя чудотворца Николая, отъ которой ведетъ лѣстница на Печерскъ. Помолившись въ ней, богомольцы подымаются по высокой лѣстницѣ на гору. Взобравшись туда, они идутъ къ валу Печерской крѣпости, дважды проходятъ сквозь крытые крѣпостные проѣзды и, наконецъ, останавливаются передъ *святыми* воротами Лавры. Дошли они до желаннаго мѣста! Полные радости и благоговѣнія, забывъ про усталость, подходятъ странники къ *святымъ* воротамъ съ единоглавымъ вверху куполомъ и надъ ними—церковью св. Николая. У св. воротъ взору богомольцевъ представляются по сторонамъ, на стѣнахъ ограды, лики печерскихъ угодниковъ, почивающихъ въ Ближнихъ и Дальнихъ пещерахъ, а

надъ св. воротами—образъ Успенія Божіей Матери. Ворота эти и находящаяся надъ ними церковь построены за 8 вѣковъ до нашего времени печерскимъ инокомъ Николою-Святошей, бывшимъ княземъ Черниговскимъ, который самъ служилъ при нихъ два года въ видѣ смиреннаго привратника. По древнему обычаю, входящіе въ Лавру богомольцы прикладываются здѣсь къ св. иконѣ и окропляются св. водою.

Противъ св. воротъ, въ концѣ большого двора, величаво стоитъ главный златоверхій храмъ Лавры о семи куполахъ, называемый *Великою церковью*. Храмъ этотъ заложенъ въ 1073 году преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, по благословенію преп. Антонія Печерскаго. Чудныя знаменія сопровождали заложеніе и построеніе его: Самъ Господь посылаетъ жертвователей на его построеніе—знаменитаго варяга изъ латинъ Шимона и сына его Георгія—и указываетъ даже видъ сего храма и размѣръ его. Пречистая Божія Матерь является во Влахернскомъ Цареградскомъ храмѣ четыремъ зодчимъ, даетъ имъ золота на три года и посылаетъ ихъ на Русь въ Кіевъ съ порученіемъ устроить тамъ церковь Ея имени, вручаетъ имъ образъ честнаго Ея успенія и мощи святыхъ и опять показываетъ видъ сей церкви. По молитвѣ св. Антонія, Господь обозначаетъ росой и сухостью мѣсто основанія сей церкви, а огонь, павшій съ неба, пожигаетъ деревья и терновникъ и изсушаетъ росу на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была строиться церковь. Храмъ былъ построенъ и освященъ въ 1089 году.

Богомольцы благоговѣйно входятъ въ *Великую церковь*. Совершается обѣдня. Сладостное чувство наполняетъ ихъ души, когда они слушаютъ лаврское богослуженіе, отличающееся своимъ древнимъ, величественнымъ и вмѣстѣ умилительнымъ напѣвомъ, трогающимъ до глубины души,—и усердными молитвами ихъ наполняется храмъ Божій. Особенно торжественна и вмѣстѣ продолжительна бываетъ служба въ день Успенія Божіей Матери. Всенощная этого праздника начинается въ 6 часовъ вечера и оканчивается въ 1 часъ ночи. Въ самый праздникъ, предъ поздней литургіей, послѣ водоосвященія, совершается крестный ходъ вокругъ Лавры

съ совершеніемъ литіи предъ каждыми вратами Лавры и окропленіемъ св. водою ея стѣнъ и народа.

Послѣ обѣдни на шелковыхъ шнурахъ, тихо, при торжественномъ пѣніи молитвы: „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво,“ спускается внизъ висящая надъ главными царскими вратами въ серебряно-позлащенномъ кругѣ *чудотворная икона Успенія Божіей Матери*—та самая, которою въ Царьградѣ Царица Небесная изъ собственныхъ рукъ благословила Печерскую обитель. Она изображаетъ Божію Матерь, почивающую на одрѣ; предъ одромъ изображено стоящее Евангеліе; при главѣ Богоматери стоятъ шесть апостоловъ и шесть при ногахъ Ея. Ап. Петръ съ кадиломъ въ рукѣ, св. Павелъ припалъ къ Ея ногамъ. Выше одра Богоматери, сзади его, изображенъ Спаситель, держащій въ рукахъ душу Своей Матери, въ видѣ младенца; вверху у главы Спасителя два ангела съ убрусами въ рукахъ, готовые принять пречистое тѣло Пресвятой Богородицы. Икона эта покрыта золотою ризою и богато украшена алмазами, брилліантами и другими драгоцѣнными камнями; къ ней же придѣланы замѣчательные по своей цѣнности—золотой, осыпанный брилліантами, крестъ, даръ Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Петровны, и крестъ брилліантовый, Высочайше пожалованный Кіевскому митрополиту Филарету для ношенія на бѣломъ клобукѣ, а имъ завѣщанный для украшенія иконы. Съ 1812 года предъ ней теплится неугасаемая лампада. Въ каждую среду, въ началѣ литургіи, предъ нею читается акаѳистъ Успенію Божіей Матери, съ пѣніемъ кондака: „Въ молитвахъ неусыпающую“. совокупнымъ лаврскимъ хоромъ двухъ клиросовъ.

Богомольцы одинъ за другимъ подвигаются къ чудотворной иконѣ Богоматери—этому „вѣнцу святыни Кіево-Печерскія Лавры, всего Кіева и всего православнаго отечества нашего“ *)—и по очереди прикладываются къ ней. „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво, моленій нашихъ не презри въ скорбѣхъ, но отъ бѣдъ избави насъ,

*) Сказаніе о чудотворной иконѣ Успенія Пр. Богородицы.

едина Чистая и Благословенная!" повторяютъ въ умиленіи молящіеся предъ образомъ Утѣшительницы скорбящихъ. Послѣ того, какъ всѣ приложатся къ образу, онъ тихо подымается въ высоту, на свое обычное горнее мѣсто.

Отъ иконы Успенія богомольцы идутъ приложиться къ честной *главѣ св. благовѣрнаго и равноапостольнаго князя Владиміра*, просвѣтителя Россіи, вложенной въ окованную серебромъ кипарисную раку; она взята митрополитомъ Петромъ Могилою изъ мраморной гробницы св. Владиміра, находящейся въ Кіевской Десятинной церкви, и положена въ Великой Лаврской церкви, въ концѣ правой стороны большого иконостаса, у южной стѣны. Отсюда идутъ богомольцы поклониться *гробу преподобнаго Ѳеодосія*, знаменитаго игумена Печерскаго и основателя обители, находящемуся въ западномъ концѣ той же южной стѣны; св. мощи его перенесены сюда изъ Дальнихъ пещеръ въ 1090 году, чрезъ 17 лѣтъ по его преставленіи; онѣ сокрыты подъ спудомъ надгробія, обложеннаго серебряными и золочеными листами. Въ сѣверо-западномъ углу церкви, влѣво отъ главнаго входа въ нее, богомольцы молятся предъ *иконой преподобнаго Антонія* Печерскаго, предъ которой всегда становился на молитву св. Димитрій Ростовскій во время пребыванія своего въ Лаврѣ. Затѣмъ богомольцы идутъ поклониться мощамъ святителя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго, хранящимся у сѣверной стѣны церкви, близъ иконостаса. Онѣ первоначально покоились въ Десятинной церкви, а по разореніи ея татарами находились въ Ближнихъ пещерахъ, въ 1730 году перенесены оттуда на настоящее мѣсто. Сзади гробницы святителя Михаила, въ сѣверномъ придѣлѣ св. первомученика и архидіакона Стефана, хранится въ серебряной гробницѣ подъ золоченымъ балдахиномъ *перстъ св. архидіакона Стефана*. Приложившись къ нему, богомольцы спускаются ходомъ, находящимся въ западной части того же сѣвернаго придѣла, въ склепъ, въ которомъ нетлѣнно почиваетъ тѣло *митрополита Тобольскаго Павла*, скончавшагося въ Лаврѣ въ 1770 году.

Поклонившись святынямъ Великой церкви, богомольцы выходятъ боковыми дверьми на дворъ лаврскій. Въ пещеры идти теперь уже не время: туда ходятъ утромъ. Тамъ въ подземныхъ малыхъ церквахъ служатся ежедневно обѣдни отъ 7 до 9 часовъ. Теперь богомольцы выходятъ за ограду. На лѣво отъ св. воротъ, за южною стѣною Лавры, построено много большихъ каменныхъ зданій для странниковъ; въ большую же гостиницу пускаютъ богомольцевъ безплатно, и тутъ же для нихъ предлагается и трапеза даровая. За этою трапезою лѣтомъ питается до 2000 человѣкъ, а иногда и болѣе того. Въ большіе же лаврскіе праздники праздничная трапеза приготовляется во дворѣ самой обители. Всѣ странники и нищіе приглашаются къ этой трапезѣ. Самъ митрополитъ, по званію настоятеля Лавры, благословляетъ пищу и отвѣдываетъ ее. Тутъ бѣдные и странные сидятъ почетными гостями за монастырскимъ столомъ. Такъ было въ древнія времена при преподобныхъ Антоніи и Ѳодосіи, такъ дѣлается и до сего дня въ память ихъ. Возлѣ странноприимной гостиницы находится больница, гдѣ лѣчатъ заболѣвшихъ богомольцевъ. Между монахами есть врачи, служащіе при больницѣ.—За гостиницей идетъ спускъ внизъ, гдѣ находятся иконныя лавки. Спускъ этотъ оканчивается воротами, за которыми идутъ сады, разросшіеся на холмахъ крутого днѣпровскаго берега. Подъ этими холмами почиваютъ Печерскіе угодники въ подземныхъ келліяхъ, ископанныхъ же руками.

Рано утромъ, лишь только раздастся благовѣстъ къ утрени, богомольцы спѣшатъ въ Великую церковь. По окончаніи утрени большая часть ихъ, запасшись просфорами, направляются къ пещерамъ. Покатый сходъ, устланный дикимъ камнемъ, ведетъ отъ двора Лавры къ такъ называемымъ пещернымъ воротамъ. За этими воротами, вдоль по отлогому склону горы, посреди садовъ монастырскихъ, спускается деревянная крытая галлерея. По выходѣ изъ галлереи, богомольцы приходятъ къ Воздвиженской церкви, въ которой монахи продаютъ свѣчи и записываютъ на просфорахъ имена для поминовенія въ церквахъ пещерныхъ. Цер-

ковь Воздвиженская построена надъ Ближними пещерами, и въ сѣверной стѣнѣ ея находится за желѣзной рѣшеткой небольшая дверь, чрезъ которую спускаются въ самыя пещеры. Тѣсные извилистые переходы пещерные не могутъ вмѣстить много народа. Монахи раздѣляютъ богомольцевъ на партіи и поочередно совершаютъ съ ними хожденіе по пещерамъ. Изъ алтаря выходитъ монахъ съ зажженною свѣчею и приглашаетъ богомольцевъ зажечь свои свѣчи; и вотъ отпирается пещерная дверь. Монахъ входитъ первый, а вслѣдъ за нимъ, одинъ за другимъ, проходятъ богомольцы сквозь узкую дверь и тутъ же начинаютъ спускаться въ темное подземелье. Только свѣчи ихъ озаряютъ низкіе своды мрачнаго пещернаго корридора. Такъ идутъ они нѣкоторое время до перваго поворота; за поворотомъ издали блеснула лампада, горящая передъ иконою въ серебряной ризѣ. Эта икона и неугасимая лампада находятся въ кельѣ преподобнаго Антонія, основателя пещеръ. Въ этой кельѣ преподобный подвизался многіе годы и въ ней велѣлъ похоронить себя. По глубокому смиренію своему, Антоній не желалъ открытія мощей своихъ; преданіе сказываетъ, что многіе пытались вынуть ихъ изъ земли, но всякій разъ были возбраняемы огнемъ, исходившимъ отъ гроба преподобнаго. Рядомъ съ кельей Антонія устроена маленькая церковь его имени.

Поклонившись иконѣ преподобнаго на среброкованной ракѣ его, богомольцы идутъ дальше. И вотъ, имъ слышится издали пѣніе литургіи въ одной изъ подземныхъ церквей. Пѣніе то отдаляется, то приближается по мѣрѣ того, какъ богомольцы подвигаются впередъ, по извилистымъ пещернымъ переходамъ Пѣніе становится слышнѣе, подземелье просторнѣе, и богомольцы входятъ въ пещерную церковь преподобнаго Варлаама, внука славнаго воеводы Вишаты, устроенную Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ которомъ и служится обѣдня. Въ самой церкви почиваютъ мощи этого преподобнаго. Не разъ молодой бояринъ Варлаамъ пріѣзжалъ къ препод. Антонію слушать его наставленія. Однажды пріѣхалъ онъ на богатоубранномъ конѣ, въ роскошномъ одѣяніи, въ сопровожденіи многихъ слугъ,

съ разными приношеніями. Сошедши съ коня, Варлаамъ снялъ съ себя богатыя одежды и бросилъ ихъ къ ногамъ вышедшаго къ нему на встрѣчу препод. Антонія: „Отче, употреби эту прелесть міра, какъ тебѣ угодно, а я хочу жить въ уединеніи“—сказалъ Варлаамъ. Не смотря потомъ на угрозы, ласки, просьбы отца, матери и молодой жены, Варлаамъ остался въ числѣ пещерной братіи. Своими подвигами Варлаамъ стяжалъ уваженіе всей братіи и избранъ былъ первымъ игуменомъ Печерскимъ. Онъ выпросилъ у князя землю надъ пещерами и построилъ первую надземную церковь для братіи.

Прослушавъ часть обѣдни, поклонники продолжаютъ обходъ пещеръ Антоніевыхъ. Монахъ, сопутствующій имъ, называетъ по именамъ святыхъ подвижниковъ, лежащихъ по сторонамъ переходовъ, взывая: „преподобный такой-то или такая-то, моли Бога о насъ!“ Богомольцы, полагая на себѣ крестное знаменіе, лобызаютъ св. мощи съ такимъ же воззваніемъ. Неподалеку отъ церкви преп. Варлаама покоится преп. Прохоръ Лебедникъ, который во время голода „молитвою былe—лободу творяше хлѣбы и съ пепелу—соль.“ Далѣе—пр. Даміанъ пресвитеръ, *цѣлебникъ*. врачевавшій молитвою и елеемъ; преп. Аѳанасій Затворникъ, пробывшій въ затворѣ 12 лѣтъ: преп. Агапитъ, врачъ безмездный, исцѣлившій зелемъ и молитвою вел. князя Владиміра Мономаха; священномученикъ Кукша, проповѣдывавшій христіанскую вѣру въ землѣ вятичей и отъ нихъ обезглавленный; преп. Пименъ многострадальный, который самъ просилъ себѣ продолженія болѣзни и пролежалъ на одрѣ болѣзни 20 лѣтъ, за что получилъ даръ исцѣлять другихъ; преп. Несторъ лѣтописецъ и списатель житія преподобнаго Ѳеодосія и св. братьевъ-страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; преп. Моисей Угринъ, служившій отрокомъ у св. мученика князя Бориса и уведенный въ плѣнъ Польскимъ королемъ Болеславомъ, и многіе другіе. Нѣсколько далѣе—препод. Іоаннъ многострадальный, вкопавшій себя въ землю по плечи ради подвига воздержанія. Глава его, покрытая пеленами и скуфьею, и понынѣ выходитъ изъ земли. Усердные поклонники,

прикладываясь къ главѣ преподобнаго, надѣваютъ скуфью себѣ на голову. За нимъ слѣдуетъ преп. Маркъ гробокопатель, преп. Алипій иконописецъ, сотрудникъ греческихъ художниковъ въ украшеніи Великой Печерской церкви, и многіе другіе подвижники и ревнители вѣры. Въ серебряной ракѣ почиваетъ препод. Никонъ. Онъ первый пришелъ къ препод. Антонію и былъ четвертымъ игуменомъ Печерскимъ и другомъ Ѳеодосія. Далѣе по пути къ третьей подземной церкви, въ отдѣльномъ затворѣ, почиваютъ рядомъ 12 братьевъ-муровщиковъ, трудившихся въ построеніи Великой Лаврской церкви. Въ преддверіи церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы покоятся четыре угодника: препод. Исаія затворникъ, Илья Муромецъ, богатырь русскій, окончившій жизнь печерскимъ инокомъ, св. мученикъ Іоаннъ младенецъ, къ ходатайству котораго прибѣгаютъ съ молитвою о дарованіи чадъ скорбные родители, бездѣтные или лишившіеся дѣтей, и преп. Никонъ Сухій, великій постникъ; онъ былъ взятъ въ плѣнъ половцами, напавшими на Кіевъ и ограбившими монастырь Печерскій. Измученный, св. Никонъ чудеснымъ образомъ приплылъ по Днѣпру въ свою обитель.

При выходѣ изъ церкви богомольцамъ даютъ испить ключевой воды, черпая ее мѣднымъ крестомъ Марка гробокопателя. За церковью Введенія заканчивается пещерный кругъ, и богомольцы, возвращаясь къ устью Ближнихъ пещеръ, выходятъ противъ алтаря той же Крестовоздвиженской церкви, изъ которой они спустились въ эти пещеры. На стѣнѣ, въ прилегающемъ къ этому алтарю павильонѣ, богомольцы созерцаютъ изображеніе 20 мытарствъ, которыя проходитъ душа по смерти, восходя на небо.

Глубокій оврагъ отдѣляетъ *Ближнія*, или *Антоніевы пещеры* отъ *Дальнихъ*, называемыхъ также *пещерами преп. Ѳеодосія*. Чрезъ этотъ оврагъ въ видѣ моста перекинута длинная деревянная галлерея, которая и приводитъ къ церкви Зачатія св. Анны, построенной надъ Дальними пещерами. Справа отъ алтаря этой церкви устроена деревянная галлерея, приводящая къ входу въ пещеры. Богомольцы съ заж-

женными свѣчами снова спускаются въ подземелье. Послѣ довольно долгаго перехода, поклонники проходятъ мимо затвора преп. Пафнутія, всегда памятовавшаго о смертномъ часѣ. Засимъ слѣдуетъ затворъ преп. Діонисія, бывшаго начальника этихъ пещеръ. При этомъ Діонисіи севершилось слѣдующее чудо: во время пасхальной утрени онъ сошелъ въ пещеры покадить и въ избыткѣ духовной радости воскликнулъ, обращаясь къ почившимъ угодникамъ: „святые отцы и братія, Христосъ воскресе!“—„Воистину воскресе!“ громогласно отвѣтили преподобные, нарушивъ гробовое безмолвіе. Послѣ этого чуда Діонисій удалился въ затворъ и жилъ тамъ до конца дней своихъ. Вокругъ церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы, самой древней изъ церквей пещерныхъ, покоятся преподобные: Павелъ послушный, не проводившій ни минуты въ праздности, Евфросинія, игуменія, въ мірѣ княжна Полоцкая, и многіе другіе. Подвигаясь далѣе, богомольцы приходятъ къ кельѣ, гдѣ трудился и молился Ѳеодосій во время пещернаго уединенія своего и гдѣ по преставленіи своемъ былъ погребенъ. Около кельи находится церковь его имени. Поклонившись еще многимъ угодникамъ, богомольцы доходятъ до третьей подземной церкви—Рождества Христова. У входа въ нее лежитъ преп. Логгинъ, вратарь печерскій, стяжавшій себѣ даръ прозорливости. Имъ заключается рядъ преподобныхъ, почивающихъ въ Дальнихъ пещерахъ. Тутъ богомольцы, окончивъ свое благочестивое странствованіе, подымаются по ступенямъ къ выходу.

Неподалеку отъ Зачатіевской церкви, къ югу, крутая лѣстница ведетъ въ самую глубину оврага, отдѣляющаго Ближнія пещеры отъ Дальнихъ. Лѣстница приводитъ къ колодцу, называемому *Ѳеодосіевымъ кладеземъ*. По преданію, преподобный ископалъ этотъ кладезь, и самъ носилъ воду изъ него на вершину горы для братіи. По другую сторону оврага находится *другой колодезь*, ископанный, по тому же преданію, руками старѣйшаго изъ подвижниковъ этихъ благословенныхъ мѣстъ—*преп. Антонія*. Благочестивые поклонники берутъ изъ этихъ колодцевъ воду и въ пузырькахъ приносятъ ее домой, какъ цѣлебную отъ разныхъ болѣзней. Мѣсто

около этихъ колодцевъ, защищенное горами, поросшее вѣковыми деревьями и окруженное глубокимъ безмолвіемъ, есть нынѣ единственное мѣсто Лавры, напоминающее о тѣхъ дебряхъ и лѣсахъ, въ которыхъ подвизались древніе печерскіе иноки.

Свидѣтельствуя о подвигахъ этихъ иноковъ, преп. Несторъ пишетъ: „Чудно было поистинѣ видѣть черноризцевъ, коихъ совокупилъ Господь въ обители Своей Матери, какъ нѣкія свѣтила, изъ всѣхъ предѣловъ Русскія земли. Одни предавались бдѣнію, другіе проводили время въ колѣнопреклоненіи и постились чрезъ день—два; кто питался только хлѣбомъ и водою, кто зеленемъ варенымъ и суровымъ, и всѣ пребывали въ любви: меньшіе покорялись старшимъ, старшіе съ любовію назидали младшихъ. И благодать Божія воссіяла на горахъ сихъ.“

Вотъ почему постриженники печерскіе стремились возвратиться въ Лавру и въ то время, когда уже были архіереями. „Истинно говорю,—писалъ Симонъ, епископъ Суздальскій,—сейчасъ всю эту славу и честь за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерской обители, чтобы люди попирали меня, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у воротъ честной Лавры. Лучше желалъ бы я провести одинъ день въ дому Божіи, гдѣ просіялей Матери блаженнѣйшіе отцы, чѣмъ жить много лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничихъ.“ И многіе св. постриженники Печерской обители, будучи епископами, приходили умирать подъ кровомъ ея Лавра собрала ихъ св. мощи въ своихъ темныхъ пещерахъ, гдѣ имена ихъ ежедневно вспоминаются многочисленными богомольцами.

Помолившись напослѣдокъ съ горячимъ усердіемъ въ св. обители Печерской, богомольцы спѣшатъ въ такъ называемый *Старый Кіевъ*.

По пути, вправо, на сѣверо-западъ отъ Лавры, въ недалекомъ отъ нея разстояніи, находится древнѣйшая въ Кіевѣ церковь—*Спаса на Берестовѣ*. „Берестовымъ“ названо это мѣсто отъ берестоваго лѣса, покрывавшаго въ

древности всю ту мѣстность. При св. Владимірѣ здѣсь была церковь *св. апостоловъ* и загородній лѣтній княжескій дворъ, въ коемъ жилъ св. равноапостольный князь Владиміръ. Священникъ этой придворной церкви преп. Иларіонъ, „мужъ добрый, книжный и постникъ,“ любя уединеніе, ходилъ по временамъ изъ Берестова на дальній холмъ (гдѣ нынѣ Дальнія пещеры), ископалъ себѣ пещеру, отпѣвалъ въ ней часы и молился Богу втайнѣ. Въ 1051 году вел. князь Кіевскій Ярославъ поставилъ пресвитера Иларіона митрополитомъ Кіеву, и пещера на холмѣ осталась незанятою. Но вскорѣ послѣ этого на Печерскія горы пришелъ съ Аѳона преп. Антоній и избралъ пещеру Иларіона мѣстомъ молитвенныхъ своихъ подвиговъ. Таково начало Печерской обители.

Минуя Спасскую церковь, богомольцы идутъ по Большой Никольской улицѣ, на правой сторонѣ которой стоитъ *Военный Никольскій соборъ*, а далѣе, рядомъ съ нимъ, монастырь *Малаго Николая*, или *пустыннаго Николая*. При этомъ послѣднемъ находится кладбище съ церковью, издревле носящее названіе „Аскольдовой могилы,“ по имени Кіевскаго князя *Аскольда*, княжившаго вмѣстѣ съ Диромъ въ Кіевѣ, еще задолго до принятія русскими христіанства, и вмѣстѣ съ нимъ же убитаго Русскимъ княземъ Олегомъ. Есть преданіе, что Аскольдъ былъ христіанинъ, и въ память его, получившаго при крещеніи имя Николая, воздвигнута была церковь на его могилѣ.

Продолжая путь, странники проходятъ Крещатикъ, самую большую и красивую улицу города, взбираются по крутому подъему на гору и, наконецъ, достигаютъ ограды *Михайловскаго Златоверхаго монастыря*, главный храмъ котораго во имя св. архистратига Михаила построенъ въ 1108 году вел. кн. Кіевскимъ Святополкомъ-Михаиломъ. Въ лѣвомъ придѣлѣ этого храма, предъ иконостасомъ, стоитъ на большомъ амвонѣ, подъ серебрянымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ св. крестомъ, сребропозлащенная рака съ мощами *св. великомученицы Варвары*, принесенными изъ Царьграда въ началѣ XII вѣка. Гробница и балдахинъ устроены графиней Орловой-Чесменской. Св. великомученица Варвара

не разъ спасала Златоверхую обитель отъ губительной заразы. Посему, не только весь православный міръ чествуетъ св. великомученицу, но и иновѣрцы прибѣгаютъ къ молитвенному ея заступничеству въ опасностяхъ своей жизни.

Обезглавленное руками самого отца-язычника, тѣло невѣсты Христовой лобызаютъ богомольцы и съ умиленіемъ слушаютъ акаѳистное ей пѣніе: „радуйся, Варваро, невѣсто Христова прекрасная!“ Еженедѣльно по четвергамъ монашествующіе выносятъ изъ алтаря икону съ изображеніемъ усѣкновенія главы св. Варвары и совершаютъ передъ нею молебное пѣніе соборнѣ. Икона эта имѣетъ дорогую ризу, украшенную дорогими звѣздами, перстнями, брилліантами многихъ царственныхъ особъ и вельможъ. У воротъ монастыря богомольцы покупаютъ крестики, образки и перстни и, положивъ ихъ на нѣкоторое время на мощи, уносятъ съ собою на благословеніе, въ даръ роднымъ и знакомымъ.

На уступѣ Михайловской горы, нѣсколько ниже монастырской ограды, протянутой по самому верху, императоромъ Николаемъ Павловичемъ воздвигнутъ *памятникъ* св. равноапостольному князю Владиміру. Вылитое изъ мѣди изображеніе просвѣтителя земли Русской стоитъ на высотѣ 9 саженъ отъ земли. Въ правой рукѣ равноапостольный князь держитъ громадный крестъ, высоко поднявъ его передъ собою, а въ лѣвой—великокняжескую шапку. Облеченъ онъ въ ниспадающую складками мантію. Лицемъ онъ обращенъ на востокъ, къ Днѣпру, къ тому мѣсту, куда онъ, по этой самой горѣ, спустился въ великій день крещенія народа Русскаго. Памятникъ имѣетъ круглое подножіе, утвержденное на пяти устланныхъ чугунными плитами ступеняхъ. На передней его части выпукло изображено на мѣди крещеніе кіевлянъ: тутъ женщины съ младенцами, отроки, мужи и старцы—кто по поясъ въ водѣ, кто по колѣни; крещаемыхъ благословляетъ святитель. И князь Владиміръ стоитъ тутъ же, устремивъ очи съ небу, въ благодарной молитвѣ къ Богу за свой народъ. Великій день тотъ, когда небо и земля ликовали, живо представляется богомольцамъ, стоящимъ у памятника Владиміра и смотрящимъ на высоко

поднятый надъ Днѣпромъ крестъ въ рукахъ князя-просвѣтителя.

Спустившись съ Владимірской горы, богомольцы приходятъ къ глубокому ущелью, по которому въ старину протекалъ ручеекъ, впадавшій въ Почайну передъ самымъ сліяніемъ послѣдней съ Днѣпромъ. Со времени крещенія Русскаго народа, бывшаго на семъ мѣстѣ, этотъ ручей сталъ именоваться *Крещатикомъ;* самое же мѣсто крещенія стало называться *святымъ мѣстомъ*. На этомъ мѣстѣ съ давняго уже времени существовалъ колодезь, надъ которымъ построенъ другой гранитный памятникъ св. Владиміру, извѣстный подъ именемъ *нижняго памятника св. Владиміру*. Въ память крещенія Русской земли, въ день св. Владиміра, 15 іюля, ежегодно совершается къ Крещатицкому источнику величественный крестный ходъ отъ Софійскаго собора въ соединеніи съ такимъ же ходомъ изъ Михайловскаго, Братскаго, Лаврскаго монастырей и отъ другихъ Кіевскихъ церквей. Всѣ горы Кіевскія усѣяны бываютъ въ этотъ день толпами молящагося народа. Слава князя Владиміра, „обрѣтшаго добрый бисеръ вѣры Христовой“ (изъ тропаря), оглашаетъ тогда всѣ холмы стараго Кіева—отъ высоты памятника до водъ Днѣпра, справедливо названнаго поэтомъ „чистою купелью Руси.“

Отъ памятника св. Владиміра или прямо отъ Михайловскаго монастыря богомольцы идутъ къ *церкви св ап. Андрея первозваннаго*. Путь этотъ лежитъ по улицѣ, идущей вдоль края горы Старо-Кіевской—на одной высотѣ съ Златоверхимъ монастыремъ. Направо отъ улицы, на одномъ изъ горныхъ выступовъ къ Днѣпру, стоитъ небольшая одноглавая *церковь св. Василія*, построенная въ концѣ XII вѣка вел. кн. Кіевскимъ Святополкомъ Всеволодовичемъ. На мѣстѣ этой церкви стоялъ въ языческое время главный идолъ Перунъ, которому приносили въ жертву быковъ и барановъ. Между Васильевскою церковью и Михайловскою обителью проходилъ *Боричевъ взвозъ*, по которому Кіевскіе христіане влекли Перуна въ Днѣпръ.

Церковь Андрея Первозваннаго стоитъ на оконечности надъ нижнимъ городомъ, Подоломъ, болѣе чѣмъ на 40 саженъ и потому издали представляется какъ-бы висящею надъ Подоломъ. Къ паперти церковной ведетъ широкая чугунная лѣстница въ 53 ступени, раздѣленная тремя площадками. Эту бѣлокаменную церковь съ пятью легкими серебряными главами, на ея высокой горѣ, какъ на зеленомъ подножіи, видно отовсюду. Она за нѣсколько десятковъ верстъ видна богомольцамъ, подходящимъ къ Кіеву съ разныхъ сторонъ. Въ особенности хороша эта церковь, когда глядишь на нее съ Подола: она словно спустилась съ облаковъ на крутую зеленую гору свою.

Къ этому мѣсту древнее преданіе относитъ то, что сообщается лѣтописцемъ Несторомъ о посѣщеніи Кіевскихъ горъ св. ап Андреемъ. Петру Великому, съ благоговѣніемъ посѣтившему святыни Кіева, дорого было преданіе объ ап. Андреѣ, благословившемъ крестомъ горы Кіевскія. Петръ призналъ Андрея Первозваннаго покровителемъ земли Русской и въ честь его установилъ орденъ, и до сихъ поръ считающійся самымъ высшимъ орденомъ Россійской Имперіи. Дочь Петра Великаго императрица Елисавета Петровна съ особымъ усердіемъ возобновляла святыни Кіевскія, и первый камень въ основаніе чуднаго по красотѣ Андреевскаго храма положенъ былъ собственноручно ею. Храмъ этотъ построенъ по плану знаменитаго архитектора Растрелли.

Взойдя на Андреевскій холмъ, богомольцы вступаютъ въ благолѣпный храмъ. Тамъ покланяются они *частицѣ* мощей св. ап. Андрея, принесенной въ Кіевъ съ Востока извѣстнымъ А. Н. Муравьевымъ, и подобію креста, на которомъ былъ распятъ первозванный апостолъ.

Помолившись въ церкви, богомольцы подолгу стоятъ на горѣ и двигаются вокругъ церкви, опираясь на окружающія вершину горы чугунныя перила. Тутъ не наглядишься на Подолъ, въ которомъ можно пересчитать всѣ церкви и монастыри. Влѣво за Подоломъ возвышается надъ нимъ вторая гора Кіевская съ кладбищенскою церковью—*Щекавица*,

на которой, по преданію, поселился Щекъ, одинъ изъ братьевъ-основателей Кіева.

Въ ясный вечеръ, когда солнце закатывается за кладбищенскую, или вторую Кіевскую гору, отчетливо видна на лѣсистой возвышенности небольшая церковь на скатѣ горы. Это—*Вышгородъ*, теперь незначительное село, въ древности же то былъ удѣльный городъ св. княгини Ольги, расположенный на третьей горѣ Кіевской—*Хоревицѣ*. Въ Вышгородѣ былъ дворецъ княжескій, а впослѣдствіи и богатая церковь, сооруженная внуками св. Владиміра, надъ гробомъ сыновей его, благовѣрныхъ князей и страстотерпцевъ *Бориса* и *Глѣба*. Имена этихъ св. князей на каждомъ богослуженіи, во всѣхъ церквахъ кіевскихъ, призываются въ молитвѣ вмѣстѣ съ равноапостольнымъ Владиміромъ, блаженною княгинею Ольгою, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ и прочими чудотворцами печерскими. Мощи свв. Бориса и Глѣба, въ древнее время стоявшія въ богато украшенной ракѣ, среди Вышгородской каменной, нынѣ уже не существующей, церкви, не сохранились во время многовѣковыхъ бѣдствій Вышгорода. Но и донынѣ въ день памяти Бориса и Глѣба (24 іюля) окрестные жители приходятъ въ Вышгородъ на богомолье.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ на западъ отъ Андреевской горы находится *Десятинная церковь*. Этотъ большой пятиглавый храмъ выстроенъ сравнительно недавно, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, на найденномъ въ землѣ основаніи Десятинной церкви, построенной св. Владиміромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь первыхъ нашихъ мучениковъ за Христа—Іоанна и сына его Ѳеодора, варяговъ. Когда обширный и величественный храмъ во имя Пресвятой Богородицы былъ достроенъ, св. Владиміръ вошелъ въ него, помолился и воскликнулъ: „Вотъ я даю церкви сей отъ имѣнія моего и отъ городовъ моихъ *десятую* часть.“ Съ тѣхъ поръ и стала эта церковь называться *Десятинною*. Въ Десятинной церкви хранилась глава священномученика Климента и мощи ученика его Ѳива, принесенныя Владиміромъ изъ Корсуня, гдѣ онъ принялъ св. крещеніе. Въ эту же церковь онъ перенесъ мощи бабки своей Ольги;

тамъ была погребена супруга князя Владиміра—Греческая царевна Анна, тамъ же и самъ онъ положенъ по блаженной кончинѣ. Спустя два столѣтія послѣ кончины св. Владиміра, татары въ несмѣтномъ количествѣ напали на Кіевъ, и древняя Десятинная церковь была разрушена до основанія. Возобновитель святынь Кіева митрополитъ Кіевскій Петръ Могила, расчищая фундаментъ этой церкви, обрѣлъ гробъ св. Владиміра и нѣкоторые древніе предметы. Въ нынѣшней Десятинной церкви гробъ св. Владиміра находится подъ спудомъ у южной стѣны, возлѣ иконостаса. Честная глава его перенесена отсюда въ концѣ XVII вѣка въ Великую церковь Печерской обители.

На площади между Десятинною церковію и Васильевскою въ древнее время былъ *княжескій теремъ*, гдѣ жилъ самъ Владиміръ и его потомки, великіе князья Кіевскіе, до тѣхъ поръ, пока татары не напали на Кіевъ и не разрушили его. Теперь не осталось и слѣдовъ княжескаго терема, куда къ ласковымъ князьямъ Кіевскимъ сходились пировать бояре и русскіе могучіе богатыри, гдѣ „князь-красно солнышко,—какъ говорится въ древнихъ пѣсняхъ,—по горенкѣ похаживалъ, русыми кудрями потряхивалъ, на богатырей службы наметывалъ.“

Къ западу отъ Десятинной церкви, въ самой срединѣ горы Старо-Кіевской, стоитъ *св. Софія Кіевская*, или *Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ*, окруженный большою каменною стѣною. Большая четырехъярусная колокольня, построенная Иваномъ Мазепою и извѣстная подъ именемъ *тріумфальной*, стоитъ какъ разъ противъ Михайловскаго монастыря, къ западу отъ него, на разстояніи 200 саженъ.

Выйдя изъ колокольни внутрь двора, богомольцы видятъ, наконецъ, первопрестольный храмъ древнихъ митрополитовъ всея Россіи. Издали, еще съ высотъ Печерской горы, манили ихъ золотыя главы Софійскаго собора. Теперь они могутъ пересчитать всѣ 15 главъ собора. Богомольцы обыкновенно входятъ въ св. Софію съ южной стороны и, минуя рядъ придѣльныхъ иконостасовъ, подходятъ къ серебряной ракѣ съ мощами священномученика Макарія, митрополита

Кіевскаго. и прикладываются къ нимъ. Этотъ святитель былъ убитъ татарами въ 1497 году въ с. Скриголовѣ (Мінск. губ.), на пути изъ Вильны въ Кіевъ. Память св. Макарія празднуется 1 мая, и въ этотъ день, послѣ литургіи. совершается крестный ходъ вокругъ собора, при чемъ торжественно обносятся и самыя мощи угодника Божія*).

Приложившись къ св. мощамъ Макарія, богомольцы вступаютъ въ самую высокую и пространную часть храма предъ главнымъ иконостасомъ. По другую же сторону главнаго престола опять идутъ придѣлы. Всѣхъ придѣловъ въ Софійскомъ храмѣ 17, а престоловъ 13. Обширность храма, высота сводовъ и ихъ таинственный полумракъ, священныя изображенія—трепетнымъ благоговѣніемъ наполняютъ душу стоящаго въ храмѣ богомольца. Но особенно хорошо стоять въ срединѣ церкви, освѣщенной многими окнами, гдѣ съ высоты алтарнаго свода смотритъ на молящихся, въ исполинскихъ размѣрахъ изображенная, Пресвятая Дѣва. Это—такъ называемая „Нерушимая стѣна.“ Царица Небесная изображена съ воздѣтыми горѣ руками, молящеюся за родъ христіанскій. Яркими цвѣтами блеститъ ея хитонъ, препоясанный пурпуровымъ поясомъ. За поясъ заложенъ бѣлый платъ. Подъ стопами блестящій коверъ, все поле иконы золотое. Икона эта *мозаически* составлена изъ мелкихъ камней разныхъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ составленный ликъ Богоматери, называемый „Нерушимой стѣной,“ существуетъ и сохраняется благолѣпно уже болѣе восьми вѣковъ. Особенно хорошо видна осѣняющая собою храмъ „Нерушимая стѣна“ съ западной части хоръ. Тутъ молятся передъ этимъ чуднымъ образомъ и ставятъ свѣчи, прилѣпляя ихъ вдоль ограды хоръ. Съ боковыхъ хоръ прекрасно можно видѣть и другія мозаическія и *фресковыя—сухими красками* по свѣжей штукатуркѣ—свящ. изображенія по стѣнамъ, столбамъ и въ сводахъ храма. Многія изъ этихъ изображеній были въ

*) О св. Макаріи подробно изложено въ нашей брошюрѣ: „Св. священномученикъ и всея Россіи чудотворецъ Макарій 1-й, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, и его время.“ Харьковъ, 1897 г., ц. 30 к.

недавнее время только открыты подъ новою штукатуркою. Любителю христіанской старины не наглядѣться на изображенія событій изъ жизни Спасителя и Божіей Матери и на отдѣльныя лики святителей. мучениковъ. исповѣдниковъ, пророковъ и апостоловъ.

Съ лѣвой стороны на хорахъ, въ придѣлѣ Николая чудотворца, находится древнѣйшая въ Россіи икона сего святителя, именуемая „Николаемъ Мокрымъ.“ Она современна крещенію Руси. Названіе „Мокрый“ напоминаетъ о чудѣ, бывшемъ надъ ребенкомъ, утонувшимъ было въ Днѣпрѣ и спасеннымъ, по молитвамъ родителей его, предъ этою иконою.

На главномъ иконостасѣ Софійскаго собора, роскошной рѣзной работы, сіяющая золотыми окладами на иконахъ, помѣщена и *храмовая икона Софіи*, т. е. *Премудрости Божіей*. Премудрость Божія представлена въ видѣ Младенца Іисуса на лонѣ Богоматери. Она стоитъ на серповидной лунѣ, окутанной облакомъ; надъ нею сѣнь, поддерживаемая семью столбами. Надъ сѣнью греческая надпись: „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седм[illegible].“ На персяхъ Богородицы Божественный Младенецъ съ благословляющею десницею; сверху Богъ Отецъ и Духъ Святый, отъ Него исходящій. На ступеняхъ предъ Матерью Божіею стоятъ праотцы и пророки съ хартіями. Храмовой праздникъ въ Софійскомъ соборѣ 8 сентября, въ день Рождества Пресв. Богородицы, Которая содѣлалась храмомъ Воплощенной Премудрости Божіей—Господа нашего Іисуса Христа.

Такимъ образомъ, прославляя Премудрость Божію, храмоздатель посвятилъ Кіевскую соборную церковь Божіей Матери. Софійскій храмъ построенъ вел. кн. Кіевскимъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра святого, на мѣстѣ побѣды, одержанной имъ надъ печенѣгами, вторгшимися въ Кіевъ въ 1036 году. При немъ устроена была и каѳедра для перваго митрополита всея Россіи. По мысли Ярослава, Кіевская св. Софія своимъ именемъ, величиною и благолѣпіемъ должна была напоминать русскимъ христіанамъ о томъ величественномъ Цареградскомъ храмѣ, въ которомъ послы св. Влади-

міра, познавая правую вѣру, въ восхищеніи говорили, что не знаютъ, гдѣ они—на небѣ, или на землѣ. Все въ этомъ храмѣ—и кладка, и украшеніе, было дѣломъ рукъ искуснѣйшихъ греческихъ мастеровъ. Были привезены въ Кіевъ дорогіе мраморы разныхъ цвѣтовъ для пола, для столбовъ и перилъ. Для главной церкви не только своего стольнаго города, но и всего государства своего, вел. кн. Ярославъ не пощадилъ ни золота, ни серебра, такъ-что, по словамъ современнаго пресвитера Иларіона, „церковь сія заслужила удивленіе и славу у всѣхъ окружныхъ городовъ, и нѣтъ подобной ей во всей полунощной странѣ отъ востока до запада.“ Въ придѣлѣ Владимірскомъ, въ стѣнѣ, съ правой стороны престола, донынѣ стоитъ *мраморная гробница* храмоздателя Ярослава.

Много бѣдъ испыталъ храмъ св. Софіи въ теченіе 900-лѣтняго своего существованія; но Господь сохранилъ его почти въ первобытной цѣлости; и ни татарскій погромъ, ни польское иго не въ силахъ было сокрушить его прочныхъ стѣнъ. На царскихъ вратахъ главнаго иконостаса, серебряныхъ, рѣшетчатыхъ, и донынѣ видимъ изображеніе двухглаваго орла. Этотъ знакъ Московскаго царства напоминаетъ намъ о томъ времени, когда православные жители Кіева вздохнули свободно отъ притѣсненія иновѣрныхъ поляковъ, подъ кровомъ Бѣлаго Царя. Предъ этими вратами стоялъ на молитвѣ Петръ Великій, когда шелъ навстрѣчу шведскаго врага. Послѣ сильной битвы подъ Полтавою Петръ здѣсь же приносилъ Богу благодареніе за побѣду надъ Карломъ XII-мъ.

Къ западу отъ Софійскаго собора находятся остатки *Золотыхъ воротъ*, которыя при Ярославѣ были въѣздными вратами въ городъ. На верху ихъ была устроена тѣмъ же Ярославомъ церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Къ сѣверо-западу отъ Золотыхъ воротъ, среди Новаго Кіева, красуется величественный пяти-угольный *Владимірскій соборъ*, только въ прошломъ году оконченный и освященный въ присутствіи Государя Императора и Его Благочестивѣйшей Супруги. Богомольцы заходятъ въ этотъ

соборъ насладиться созерцаніемъ священныхъ изображеній кисти замѣчательныхъ русскихъ художниковъ.

Въ субботній день богомольцы спускаются съ Кіевскихъ горъ на Подолъ, гдѣ въ *Братскомъ монастырѣ.* предъ литургіей, совершается соборнѣ акаѳистъ передъ *чудотворною иконою Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ*, по монастырю называемою *Братскою*. Икона эта прежде находилась въ Вышгородѣ, въ церкви св. Бориса и Глѣба, и была въ ней намѣстною. Въ XVII вѣкѣ крымскіе татары разграбили и разорили Вышгородъ и икону Пресв. Богородицы бросили въ Днѣпръ. Волной прибило ее къ Кіевскому берегу противъ Братскаго монастыря, и монашествующая братія съ благоговѣніемъ принесла многочтимую святыню въ свою церковь. И съ тѣхъ поръ она сохраняется здѣсь для благоговѣйнаго чествованія. На ликѣ Богоматери виденъ знакъ отъ удара копьемъ рукою невѣрнаго татарина. Въ пятиглавомъ Богоявленскомъ храмѣ Братскаго монастыря, въ иконостасѣ, надъ царскими вратами, помѣщается *кипарисный крестъ*, которымъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1620 году, благословилъ Богоявленское Братство и Братскій монастырь.

Въ стѣнахъ Братской обители помѣщается *Кіевская духовная Академія*, изъ которой вышло много знаменитыхъ питомцевъ, составляющихъ славу нашего отечества. Кіевское Братство съ училищемъ при немъ основано въ концѣ XVI вѣка, по благословенію Константинопольскаго патріарха Іереміи. Цѣль Братскаго училища была—противодѣйствіе латинской пропагандѣ, совращавшей южную Русь въ унію. Преобразователемъ и благодѣтелемъ училища надо назвать Кіевскаго митрополита Петра Могилу, извѣстнаго поборника православія.

Дворъ Братской обители представляетъ собою аллею изъ липъ и кленовъ. Тихо и прохладно тамъ въ знойный день. Прохладно и просторно въ высокомъ и обширномъ Богоявленскомъ храмѣ, сооруженномъ Иваномъ Мазепой, гдѣ раздается стройное пѣніе студентовъ академіи, и гдѣ множество свѣчей горитъ передъ ликомъ Братской Божіей Матери.

Подобно древнему граду Іерусалиму, Кіевъ, богатый святынями внутри, окруженъ ими въ изобили также и со внѣ, по окрестностямъ.

Пребывающіе въ Кіевѣ болѣе долгое время богомольцы обходятъ и окрестныя св. мѣста. За Лаврою, верстахъ въ двухъ отъ Дальнихъ пещеръ, на крутомъ берегу Днѣпра, почти надъ самыхъ мостомъ желѣзной дороги, красуется *Выдубецкій* монастырь. Названіе „Выдубецкій“ поясняютъ тѣмъ, что на этомъ мѣстѣ выплылъ прибитый волною къ берегу идолъ, низринутый св. Владиміромъ въ Днѣпръ съ вершины Старо-Кіевской горы. Многіе язычники бѣжали по берегу рѣки и вопили къ идолу: „выдыбай,“ т. е. выплывай, „нашъ боже!“ На томъ мѣстѣ, гдѣ потопленъ идолъ, внукъ св. Владиміра Всеволодъ Ярославичъ, въ память побѣды христіанства надъ язычествомъ, устроилъ монастырь съ каменною *церковью св. архистратига Михаила*. Главнымъ храмомъ монастыря нынѣ служитъ большая, всего еще два столѣтія существующая, *церковь св. великомученика Георгія*. Въ праздникъ Георгія, 23 апрѣля, здѣсь бываетъ большое стеченіе богомольцевъ.

Прямо отъ монастырскихъ келлій можно подняться на крутую гору, покрытую лѣсомъ. Съ верху этой горы слышенъ бываетъ колокольный звонъ. Это благовѣстъ въ недавно устроенной трудами и стараніемъ о. Іоны *Свято-Троицкой обители*. Особой святыни Троицкій монастырь не имѣетъ, но толпы богомольцевъ изъ Лавры направляются прямо къ „батюшкѣ,“—какъ зовутъ они старца Іону, въ короткое время сдѣлавшагося извѣстнымъ во всѣхъ концахъ Россіи, и тамъ ждетъ ихъ спасительное наставленіе и готовая для всѣхъ трапеза.

Наконецъ, помолившись еще разъ въ Лаврѣ, богомольцы предпринимаютъ многотрудный обратный путь восвояси. И на всю жизнь остается въ душѣ у нихъ воспоминаніе о святыхъ мѣстахъ Кіевскихъ. И за тысячи верстъ отъ Кіева, въ переднемъ углу деревенской избы можно найти образъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и ликъ св. великомученицы Варвары. Эти издалека прине-

сенныя иконы въ теченіе многихъ лѣтъ напоминаютъ дѣтямъ и внукамъ о томъ, что отцы и дѣды ихъ нѣкогда были у святынь Кіева.

Покланяюся тебѣ, „мати городовъ Русскихъ,“ покланяюся тебѣ, „Іерусалиме земли Русской“!...

Свящ. **Н. Стеллецкій.**

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 20 Ноября, 1897 года.
Цензоръ, Свящ. **С. Трегубовъ.**

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко Ново-Елисаветинская улица, собств. домъ № 4.
1897.